

С.Н. Терпигорев

Дорожные очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Н. Терпигорев**
Дорожные очерки / С.Н. Терпигорев – М.: Книга по Требованию, 2015. –
328 с.

ISBN 978-5-517-97977-3

ISBN 978-5-517-97977-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чалъ, потомъ широко осклабился, раздвинувъ ротъ чуть не до ушей, встряхнулъ на рукѣ двугривенныя и какъ-то автоматически, идиотски побѣжалъ, поднявъ плечи и размахивая согнутыми локтями.

Очень миловидная кассирша взяла съ меня какую-то непомѣрную плату за билетъ.

— Не ошиблись-ли вы, замѣтилъ я ей, пересчитывая сдачу.

— Нѣтъ.

— Очень что-то дорого.

— Да. Но у насъ вѣдь горная дорога... Горный тарифъ... онъ возвышенный...

Въ толпѣ, въ публикѣ говорили:—Опять опоздали. Девять часовъ, а изъ Батума поѣздъ еще не приходилъ. Въ одиннадцать часовъ говорятъ придетъ, не раньше.

— Въ одиннадцать, такъ въ одиннадцать... Дайте мнѣ стаканъ чаю съ лимономъ, сказалъ я лакею проходившему мимо столика, къ которому я присѣлъ. Онъ сдѣлалъ въ отвѣтъ мнѣ вислою улыбкою съ наклоненіемъ головы въ знакъ согласія, подошелъ къ буфету и принялъ небрежно развязную позу. Я смотрѣлъ на него и любовался: пропадаетъ здѣсь человекъ—пріѣхалъ-бы въ Петербургъ—навѣрно сдѣлалъ-бы карьеру. Лакеи на тифлисскомъ вокзалѣ всѣ грузины, по типу напоминающіе тѣхъ французовъ-парижмаховъ, которыхъ такъ любятъ наши барыни и которыхъ онѣ такъ охотно дѣлаютъ своими негласными любовниками, когда они

ихъ причесываютъ и „готовятъ“ въ балу. Не знаютъ, а то бы прѣхали.

Поѣздъ, который намъ подали, былъ громаденъ. Вагоны уходили длинными рядами и впередъ и назадъ; въ темнотѣ казалось имъ конца нѣтъ. Публика уже усаживалась, усаживалась—съ полчаса это продолжалось. Наконецъ мы тронулись. Въ вагонѣ перваго класса, обитомъ темнымъ сафьяномъ было однако довольно просторно. Сидѣлъ какой-то горный генералъ, необыкновенно надутый, съ сигарой въ зубахъ и огромнѣйшимъ толстымъ портфелемъ, лежавшимъ возлѣ него, на который онъ съ величественной осанкой положилъ руку и такъ все время и держалъ ее; военный инженеръ, въ высокихъ сапогахъ съ красноватыми свулами и носомъ и воспаленными глазами—изъ „закаспійскихъ“, какъ оказалось это потомъ, и еще двое, трое какихъ-то безцвѣтныхъ молодыхъ людей—одинъ съ бульдогомъ на цѣпочкѣ. Мнѣ показалось случно съ ними, я ушелъ въ отдѣльное купе, отворилъ окно и сталъ смотрѣть въ него.

Ночь была совсѣмъ черная, южная, тихая, теплая. Не въ далекомъ разстояніи едва виднѣлась—блистала въ темнотѣ—Кура—поѣздъ шелъ берегомъ—а тамъ, дальше, безчисленные огоньки Тифлиса: точно упалъ на землю кусокъ звѣзднаго неба и лежалъ на ней. Я старался по огонькамъ угадать знакомыя мѣста. Это вотъ, какъ будто, „кружокъ“... это вотъ—освѣщенные садики на „Михайловской“. Высокій одинокій огонекъ на горѣ—

это, какъ будто въ монастырѣ св. Давида, гдѣ гробница Грибоѣдова... Но вотъ поѣздъ влетѣлъ въ глубокую выемку и все сразу пропало. Слышался только громъ колесъ въ темнотѣ. Спать надо ложиться... Въ Тифлисѣ меня предупредили:—Въ Елизаветполѣ, приѣдете утромъ, смотрите не умывайтесь.

— А что?

— Такъ, оно ничего конечно; но лучше неумывайтесь—годовики отъ этого бываютъ иногда.

„Годовикъ“—это таковой прыщъ, который вскакиваетъ, говорятъ, отъ воды на лицѣ и потомъ не заживаетъ ровно годъ. Разростаясь въ язву, онъ, потомъ, когда заживаетъ, оставляетъ по себѣ довольно глубокой шрамъ, а то и ямку. Особенно красиво, когда сядетъ на носу.

— И потомъ, возьмите съ собою на всякій случай тарантулова масла.

— А развѣ много тарантуловъ?

— Нѣтъ, тарантуловъ не много, но скорпионы и фаланги попадаютъ часто.

— Да вѣдь это тамъ, въ Баку, ужъ.

— Нѣтъ, вотъ въ Елизаветполѣ ихъ тоже много. У васъ вѣдь бурка есть? Растелите ее и тогда ничего, не опасно.

— Какъ, и въ вагонахъ они развѣ есть?

— Нѣтъ, въ вагонахъ ихъ мало, но все-таки попадаютъ. Вотъ Егоръ Матвѣевичъ наедни ѣхалъ, такъ вотъ какая фаланга на него упала. Впрочемъ, огня только въ вагонѣ не зажигайте—онѣ на огонь больше идутъ—тогда ничего. Не трогайте, не ше-

велитесь также, когда почувствуете, что сѣло вамъ что-то на руку или на лицо. Они бѣгутъ на чело-вѣка и если не трогать ихъ, не шевелиться—они ничего тогда, не укусятъ.

Въ аптекѣ, куда я пришелъ, чтобы купить этого тарантулова масла, мнѣ очень любезно посоветовали взять еще и нашатырнаго спирта.

— Вотъ вы какъ сдѣлайте, говорилъ мнѣ нѣмецъ аптекарь, какъ оно васъ укуситъ...

— Кто это оно?

— Ну, оно—насыемое это. Какъ оно васъ укуситъ, вы сейчасъ обильно полейте это мѣсто нашатырнымъ спиртомъ и старайтесь его втереть.

— А тарантулово масло?

— Это мѣстное средство...

— А имъ то когда же?

— А тоже когда укуситъ...

— Прежде или послѣ нашатырнаго спирта?

— Это все равно. Это мѣстное средство. Можно и безъ него обойтись. Вы лучше тогда возьмите скорпионова масла—скорпионовъ больше попадается и они теперь, въ это время ядовитѣй.

Я купилъ у него масло настоящее и на скорпионахъ, и на тарантулахъ, и на фалангахъ и флаконъ нашатырнаго спирта.

Очень милая „страна“ куда я ѣхалъ.

Теперь, укладываясь спать, я разостлалъ на диванѣ бурку, развязалъ всѣ пузырьчики и погасилъ въ купѣ огонь. Но я долго не могъ уснуть. То вотъ въ этомъ углу что-то шуршитъ, то на полу

что то какъ будто скребеть... „Закурить развѣ сигарку? Навѣрно они табачнаго дыма не любятъ?... Но зато огонь увидятъ“... Вдругъ дверь отворилась и вошелъ оберъ-кондукторъ съ кондукторомъ.

— Что-жъ тутъ темно? Огонь отчего-жъ тутъ не зажженъ? обратился онъ къ кондуктору.

— Это я нарочно погасилъ. Я легъ спать, такъ чтобъ всѣ эти гадости ваши—скорпионы, тарантулы, фаланги, сказалъ я.

Онъ странно посмотрѣлъ на меня.

— Ихъ тутъ нѣтъ, сказалъ онъ.

— А какъ-же мнѣ сказали въ Тифлисѣ, что они попадаютъ иногда въ вагонахъ.

— А-а, протянулъ онъ, это не въ этихъ, это въ жилыхъ вагонахъ. Въ тѣхъ—да, дѣйствительно попадаютъ.

— Нѣтъ и въ этихъ. Вотъ одинъ изъ вашихъ-же, служащихъ на вашей дорогѣ, рассказывалъ мнѣ.

— А-а... Я знаю. Это случай съ Егоръ Матвѣвичемъ. Да. Это удивительный случай. И представьте, вотъ какая фаланга, сказалъ кондукторъ и показавъ на щипцахъ, которыми прорѣзавъ билеты, какою величины была фаланга. Совсѣмъ черная почти. Теперь ихъ время, и онѣ очень ядовиты. Онъ не шевелился и — ничего. Не надо только шевелиться... какъ почувствуете, что она сѣла на васъ...

Послѣ его ухода я ужъ совсѣмъ не могъ уснуть. Только ужъ подъ самое утро на зарѣ, я немно-

го задремалъ и сейчасъ-же проснулся. Поѣздъ стоялъ. Въ окно виднѣлась какая-то большая станція.

— Станція Елизаветполь! Поѣздъ стоитъ двадцать пять минутъ! выерививалъ кондукторъ, проходя по платформѣ.

— А! Родина „годовиковъ“, любимое мѣстопробываніе тарантуловъ, скорпіоновъ, фалангъ.

Я высунулся въ окно и смотрѣлъ на это милое мѣстечко.

— Ну, что, не укусили васъ никто? увидавъ меня, весело спросилъ оберъ-кондукторъ. Это вотъ въ этихъ вагонахъ они водятся; свазалъ онъ, указывая мнѣ на стоявшіе не въ далекѣ отъ станціи жилые вагоны:—туда они дѣйствительно заползаютъ и кусаютъ живущихъ тамъ.

На платформѣ бѣгали рабочіе, носильщики и всѣ босые. Я не безъ удивленія посматривалъ имъ на ноги. Ничего, бѣгутъ и не разбираютъ на что наступаютъ. Привыкли, сжились. Въ окно рядомъ со мною выглянулъ горный генералъ. Лицо еще болѣе суровое, заспанное, во рту огромная, только что закуренная сигара.

— Кондукторъ! крикнулъ онъ.

— Чего изволите ваше—ство?

— Умыться мнѣ дать.

Вотъ погоди, подумалъ я, сядетъ на тебя годовикъ, хорошъ будешь. Въ Елизаветполь умываться! Вздумалъ что...

Впослѣдствіи, въ Баку, я познакомился съ этимъ

генераломъ: отлично поетъ (очень похожъ на генерала, который поетъ въ оперѣ „Евгеній Онѣгинъ“), играетъ на фортепiano и любитъ выпить и хорошо покушать. Онъ очень смѣялся, потомъ, когда я ему рассказалъ, что я подумалъ, увидавъ его въ окно въ Елизаветполѣ.

— Что-жь, вы полагаете, такъ-таки нѣто въ Елизаветполѣ и неумывается? очень разумно отвѣчалъ онъ. Ха, ха, ха!...

Въ Баку онъ завѣдуетъ „нѣдрами“—только непостоянно, а какъ-то наѣздомъ.

У меня отличный портретъ его съ надписью:

«Наука видимо читаетъ
Того, кто нѣдра изучаетъ...»

У него есть тоже теорія происхожденія нефти и образованія слоевъ. Тамъ, впрочемъ, у всѣхъ есть теоріи...

На платформѣ, нѣсколько вправо отъ нашего вагона, стояла группа казаковъ, человѣкъ пять, съ шашками, съ ружьями за плечами.

— Вы что тутъ дѣлаете? слышался изъ сосѣдняго со мной окна чей-то необыкновенно знакомый голосъ, но лица не выглядывало.

— За разбойниками пріѣхали, отвѣчали солдаты.

— За разбойниками? А развѣ тутъ есть?

— Точно такъ.

— За какими? Ловить ихъ еще будете?

— Точно такъ. Ловить будемъ.

Генералъ, все еще смотрѣвшій въ окно, сдѣлалъ

пальцами какой-то знакъ и казаки подошли къ нему.

— Какіе разбойники?

— Не можемъ знать.

— Гдѣ-жъ вы ихъ будете ловить?

— Туточки, отвѣтилъ казакъ, стоявшій впереди всѣхъ.

— Не Керимъ?

— Не можемъ знать.

Онъ опять махнулъ пальцами, выпустилъ струю дыма и отвернулся въ другую сторону.

Казаки, пятясь назадъ, отошли отъ вагона на прежнее мѣсто.

— Годовики... фаланги... тарантулы... скорпіоны и, въ довершеніе всего, еще разбойники. Необыкновенно веселое мѣсто!...

Поѣздъ стоялъ тутъ гораздо больше получаса.

— Чего-же мы ждемъ?

— А вотъ сейчасъ пойдетъ съ керосиномъ поѣздъ. Онъ запоздалъ немного. Тогда и пойдёмъ, отвѣчалъ кондукторъ.

Керосинный поѣздъ—громадный—съ трескомъ и грохотомъ пронесся мимо, не останавливаясь у станціи, и мы тронулись дальше въ путь. Казаки, стоявшіе на платформѣ, приложились, отдавая честь.

Почти сейчасъ-же за Елизаветполемъ начинается пустынная мѣстность—равнина, покрытая тощей, выжженной солнцемъ, сухой травой. Ни людей, ни скотины, ничего невидно. Только у

самого полотна дороги, да и то кое-гдѣ, сидятъ и дробятъ камень загорѣлые, сухіе—одни кости, да мускулы—плечистые люди въ огромныхъ бараньихъ бурныхъ шапкахъ, сдвинутыхъ на самый затылокъ почти. Пролетитъ мимо нихъ поѣздъ и ни одинъ головы не подниметъ на него, не взглянетъ даже. Вскорѣ, такъ часовъ съ девяти, началась жара. Въ воздухѣ стояла какая-то мгла. Небо бѣлое, точно запыленное, ни одного облачка на немъ.

Взошелъ опять кондукторъ и опять началъ про-
чикивать билеты.

— Слава Богу? Ничего? весело спросилъ онъ:—
ни тарантулы, ни скорпіоны?

— Ничего. Скажите пожалуйста, что ужъ это
все время, вплоть до Баку, пойдетъ такая мѣстность?
сказалъ я.

— Нѣтъ, тамъ повеселѣе будетъ, дальше. Сейчасъ
начнутся камыши—а тамъ—голый песокъ вплоть
до Баку. Верстъ за сто отъ Баку начнутся пески.

Дорожка—какой поискать. Веселая...

Не спавши всю ночь, меня теперь начало отъ этой
жары и отъ прошлой бессонницы клонить ко сну. Бурка, я замѣтилъ, нисколько не усиливаетъ жары,
скорѣе даже умѣряетъ ее. Я закутался въ нее,
плотнѣе сѣлъ въ уголъ и, ужъ не думая ни о фа-
лангахъ, ни о скорпіонахъ, заснулъ какъ мертвый.
Я проспалъ такъ, должно быть, часа три. Прос-
нулся на какой-то станціи—поѣздъ стоитъ. Въ от-
крытое окно слышатся голоса на платформѣ:

— И такъ и не поймали? Ушли?—слышу голосъ генерала, завѣдующаго „нѣдрами“.

— Точно такъ,—отвѣчаютъ ему.

Выглядываю—опять генералъ высунулся въ окно рядомъ со мною и передъ нимъ казаки.

— Что-же стрѣляли? Не попали?

— Не попали. Точно такъ...

— „Господи, да что-же это такое? Сколько же ихъ тутъ? По всей линіи все разбойники“... Много ихъ тутъ?—спросилъ казаковъ и я въ свою очередь. Генералъ повосился на жѣня:—какъ это, дескать, они со мною разговариваютъ, а ихъ въ это время спрашивать?

— Много,—отвѣчали казаки.

— А какъ-же они дорогу не портятъ, будочниковъ не грабятъ?

— Опасаются. Наблюденіе за дорогой.

— Кого-же они грабятъ?

— А такъ, если идетъ какой отсталый чело-вѣкъ—брюхо ему распорютъ, сапоги, шапку, одежда на немъ какая есть, сейчасъ долой и уѣдутъ. А то на селенія нападаютъ—селенія грабятъ,—болталъ словоохотливый казакъ; но генералъ махнулъ ему пальцами—ему, должно быть, не понравилась эта болтавня въ его присутствіи—и казаки отошли отъ окна.

Поѣздъ полетѣлъ дальше и—дѣйствительно, на право и на лѣво отъ дороги я увидѣлъ цѣлое море камышевое. Громадная безконечная равнина и все камышъ, камышъ и конца ему нѣтъ. Слы-